

«Термен — не мрет!»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-943>

2 июля 1991

Собеседник

Термен Лев Сергеевич

Ведущий

Радзишевская Марина Васильевна

Дата записи

Беседа записана 2 июля 1991 и опубликована 5 июля 2019.

Введение

Во второй беседе изобретатель Лев Термен рассказывает о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться при разработке музыкальных электроинструментов. Так после статьи в газете The New York Times об использовании электричества в музыке Льву Сергеевичу пришлось уволиться из Московской консерватории. После консерватории Термен устроился на кафедру акустики физического факультета МГУ, но полноценно заниматься музыкой там не было возможности. Изобретатель пытался заручиться поддержкой руководства Московского университета и трижды встречался с ректорами, но в силу разных обстоятельств помощи не получил. Кроме того, Термен рассказывает о своих работах в сфере крионики, микросъемки и обнаружения взрывчатых веществ.

Скандал в консерватории из-за статьи в газете The New York Times

Марина Васильевна Радзишевская: Лев Сергеевич, сначала расскажите, пожалуйста, все, что связано с университетом. Как вы попали в университет? Кто вам помогал или мешал? Как вам работаете? С кем вы здесь общаетесь? В общем, все, что связано с Московским университетом. Хорошо? Пожалуйста, Лев Сергеевич. Все, что вы можете рассказать.

Лев Сергеевич Термен: После того как я перестал работать в МГУ...

М. Р.: То есть как в МГУ? В консерватории, наверно?

Л. Т.: После того как я перестал работать в МГБ, Министерстве государственной безопасности... Я там работал до...

М. Р.: 64-го года.

Л. Т.: До 64-го года. После я хотел найти учреждение какое-нибудь, которое бы касалось моих работ по музыкальной части. Вот для этого я поступил в консерваторию. В консерватории мне дали хорошее место. У меня была там лаборатория, и всякие вещи были. Потом через некоторое время приехал к нам из Америки репортер из газеты The New York Times, который с удивлением узнал, что я жив и что я работаю как раз там, в консерватории. Он пришел к ректору консерватории Свешникову и очень интересовался мной, моей лабораторией. Потому что мне сделали лабораторию электромузыкальных инструментов в Москве, в консерватории. Он очень обрадовался и решил, что я бы показал свои инструменты, которые там были. Эти инструменты были установлены в разных комнатах консерватории. Была одна большая комната специально для инструментов танцевального характера, это называлось терпситон. Все это было установлено отчасти с разрешения помощника ректора, был такой очень сердитый человек, фамилия его была Нужин.

М. Р.: Это ректора консерватории вы имеете в виду?

Л. Т.: Помощник ректора.

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: Посмотрел он у меня эти инструменты. Все я ему показал, все очень понравилось. И потом примерно через неделю мы получили газету The New York Times с большой статьей, обо мне написанной. У меня есть эта статья, копия. Эта статья дошла, ее прочитал Нужин (отвратительный был), и он, в общем ему это очень не понравилось.

М. Р.: Не понравилось?

Л. Т.: Не понравилось. Он узнал, каким образом, здесь в Москве, в Московской консерватории устроили инструмент электрический, и что электроинструмент...

М. Р.: Профанация, да?

Л. Т.: Да.

” «Что это не может быть музыкой. Как же может применяться электричество в музыке? Электричество хорошо для смертной казни. Вот где электричество. А для музыки, как же это может? И как консерватория это допустила? Это показывает, какие скверные отношения к искусству в консерватории».

И он тогда сразу велел закрыть учреждение, все мои вещи поручил куда-нибудь убрать оттуда. И мне пришлось действительно из консерватории уйти куда-то. У меня было там несколько учеников, один был хороший, и его тогда исключили из учеников из консерватории. Тогда тоже была большая такая неприятность. Мне было очень неприятно.

Кафедра акустики физического факультета МГУ

Я старался уйти в какое-нибудь другое место. Я вспомнил некоторые вещи, которые были давным-давно. Может быть, можно поступить в университет. Никого в университете не знаю. Опять же, там не Нужин будет, а кто-нибудь другой. Я узнал тогда, что на кафедре акустики имеется один человек, который со знакомой мне фамилией. Он как раз заведует кафедрой акустики.

М. Р.: Кто?

Л. Т.: В университете кафедра акустики. Мне эта фамилия... Я думал, что я его знаю, и он у меня, между прочим... Очень давно, даже до того как я был в Америке, я заведовал лабораторией военной, в которой были разные военные. Им нужно было взять некоторых студентов из университета. Я помню, тогда я как заведующий поехал в университет. Там мне показали разных...

М. Р.: В наш Московский, да?

Л. Т.: В Московский университет. Значит, я там выбрал двух людей, которых я взял себе в университет для работы. Значит, был у меня отдельно хороший университет. И потом, когда я уехал, был в Америке, потом вернулся, прошло, не знаю, после этого уже почти двадцать лет. Но вот оказалось, что заведовал кафедрой акустики как раз тот человек, который у меня был студентом.

М. Р.: А фамилию не помните?

Л. Т.: Фамилию вспомню, но потом скажу.

М. Р.: Хорошо. Это тайна у вас, да, своя (*смеется*)? Продолжайте, Лев Сергеевич, пожалуйста. Потом вспомните фамилию.

Л. Т.: Я выяснил, что действительно тот самый студент, который у меня был, оказался заведующим целой кафедрой. И я к нему пришел. Он сразу меня вспомнил, конечно, и с большим удовольствием мне предложил... Места у него было не так много, но все-таки некоторую часть места дал мне на кафедре. Я там устроил лабораторию по своему направлению. Он решил мне хорошо помочь. Он в университете занимал должность заведующего кафедрой акустики. Это была большая, важная кафедра. Я устроился, хотя уже находился на пенсии официально.

М. Р.: А в какие это годы было? Не помните? 70-е уже, да?

Л. Т.: Да, примерно в 70-е.

М. Р.: Ректором тогда кто был? Уже Хохлов или еще Петровский?

Л. Т.: Нет, ректор, который был до Хохлова.

М. Р.: Петровский Иван Георгиевич. До Хохлова был Петровский.

Л. Т.: Нет.

М. Р.: Да-да. Это точно я знаю. Иван Георгиевич Петровский до 72-го года был, а потом Рем Викторович Хохлов. Вы Петровского не знали лично?

Л. Т.: Нет, лично не знал.

М. Р.: Хорошо, извините, я вас перебиваю. Рассказывайте. Значит, предложили вам остаться работать на кафедре акустики.

Л. Т.: Работал на кафедре акустики. Кафедра акустики вся находилась на физическом факультете, так что это не общая по университету. Заведовал тогда декан физического. Так что мой заведующий кафедрой акустики был подчиненным главному...

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: Может быть, вы знаете самого декана.

М. Р.: Это узнаем. Я не знаю, но это узнаем. Если вы не помните, это легко восстановить. Это мы все восстановим. Вы рассказывайте содержание, а фамилии мы восстановим, если не вспомнятся.

Л. Т.: Я хорошо вспоминаю его.

М. Р.: А как он к вам отнесся? Декан?

Л. Т.: Мне нужно было, когда я был на кафедре акустики... Конечно, мне советовал Ржевкин...

М. Р.: Как-как? Ржевкин вы сказали? Это кто?

Л. Т.: Ржевкин. Вот это заведующий.

Сергей Николаевич Ржевкин. Источник фото <https://phys.msu.ru>

М. Р.: Вот, видите, вспомнили.

Л. Т.: Да.

М. Р.: Да. Видите, я же говорю, оно само выскочит. Дальше, пожалуйста.

Л. Т.: Ржевкин. Так что вспомнил. Вот был декан, значит.

М. Р.: Подождите, так он был деканом или заведующим кафедрой?

Л. Т.: Нет. Ржевкин — заведующий кафедрой. И над ним начальник — декан.

М. Р.: Декан. Понятно.

Л. Т.: Ржевкин рекомендовал, чтобы я поговорил с деканом. Если он поможет, тогда может дадут все-таки какое-нибудь большое помещение. Я через некоторое время был у этого самого декана. Он меня встретил, знал, что я изобрел электромузыкальный инструмент, и сказал, что очень рад меня видеть.

” Он еще мальчиком был на моем концерте, тогда ему очень понравилось и так далее. К сожалению, он сейчас заведует наукой. Это учреждение, университет, должно заниматься наукой, а музыка — это не наука. Поэтому он мне помочь...

М. Р.: То есть позолотил пиллюлю, да? Сначала сказал, что очень рад, а потом сказал, что...

Л. Т.: Да, он сказал, что не может этим заниматься, потому что музыка — это не наука.

М. Р.: Неуниверситетское дело, да?

Л. Т.: Неуниверситетское дело, не наука. Поэтому лучше, чтобы я обратился на другой факультет, который здесь есть, который тогда строился еще. Тем более там массу строят. А он на физическом факультете, он ничего не может сделать. Вот так. Все-таки Ржевкин тогда сказал, чтоб я остался так и занимался у него на кафедре, но официально музыкой не занимался, а занимался разработкой новых электрических измерительных инструментов. Про музыку, так сказать, официально ничего не говорилось. Вот так было. Значит, я занимался на кафедре акустики. Там были одновременно разные люди, которые не очень хорошо ко мне относились. Но были, конечно, люди, которые считали, что это нужно как-нибудь устроить, что надо мне помещение. Может, я куда-нибудь устроился бы? В какое-нибудь помещение? И было бы самое хорошее, чтобы я поговорил с ректором.

М. Р.: Так.

Встреча с Ремом Хохловым

Л. Т.: Ну, к ректору я пошел. Ректора только назначили еще.

М. Р.: Хохлов Рем Викторович. Понятно. Значит, это был 73-й год.

Л. Т.: Я пришел к нему. Он меня знал по изобретениям. Ему это очень понравилось. Он сказал, что сам хочет посмотреть мои инструменты и, если будут силы, поможет мне обязательно устроить... Его жена очень хорошо относится к музыке, пианистка очень хорошая. Он хочет, чтобы и она познакомилась с этой музыкой, что ко мне в лабораторию зайдет. И вот однажды он пришел. У меня там уже были кое-какие инструменты подготовлены, и новый инструмент. Если вы знаете мой инструмент, который назывался терменвокс.

М. Р.: Да, конечно.

Л. Т.: Я усовершенствовал терменвокс. Терменвокс раньше играл как один голос. А там у меня был сделан инструмент такой, в котором под влиянием движения рук в воздухе изменялся самый основной звук и аккорды, которые к нему, как в хоре. Поэтому руками можно было руководить так же, как пением целого хора. Это очень хорошее впечатление... Вот такой инструмент разработал.

Пришел ко мне однажды Хохлов в студию. Я ему показал. Ему очень понравилось. Он сказал, что, конечно, это я вам обязательно все устрою, будет все хорошо. И Дубининой очень понравилось, как инструмент может звучать. И сказал, что мне всякое содействие окажет. Сказал, что в ближайшее время он уходит как раз в командировку, а когда он вернется, он мне поможет. И он действительно уехал в командировку. Через несколько дней пришло оттуда извещение: он был в горах, упал с гор и разбился.

М. Р.: Да, он альпинист был. Ну, он поморозился. Попали... В общем, погиб.

Л. Т.: Умер.

Рем Викторович Хохлов. Источник фото <http://ofvp.phys.msu.ru>

Положение на кафедре акустики и первая встреча с Анатолием Логуновым

М. Р.: Да. Он совсем недолго был ректором. А какие у вас отношения с новым ректором? Никаких? Вы виделись со следующим? С Логуновым?

Л. Т.: Со следующим я должен был встретиться не сразу. Во всяком случае, разного рода заведующие, деканы, разные люди... Оказалось, что они никоим образом мне не сочувствуют по поводу музыкальных инструментов.

М. Р.: А Ржевкин жив?

Л. Т.: У Ржевкина через некоторое время как раз оттого, что он занимался разными вещами, появилось большое количество

врагов. В частности, тот, который был назначен в качестве заведующего кафедрой.

М. Р.: Он ушел, да?

Л. Т.: Да. Вот я говорю, что его постепенно сместили с места заведующего кафедрой. Он скоро умер после этого.

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: Так что с ним очень плохо. А были другие, которые вместо него заведующим кафедрой сделали как раз его врага.

М. Р.: А кто это? Не помните?

Л. Т.: Я вспомню.

М. Р.: Хорошо. И вам стало худо, да?

Л. Т.: Стал очень против меня, да.

М. Р.: И сейчас он существует?

Л. Т.: Да, сейчас существует. Чтобы мне было где работать, мне предложили следующее. Мне предложили заниматься не только музыкой, а заниматься некоторыми новыми вещами, которые я придумал. Некоторые секретные вещи.

М. Р.: А они настолько секретные, что сказать нельзя? Или вы уже теперь можете сказать?

Л. Т.: Тогда были следующие секретные вещи, очень важные, я могу это сказать потом. Для того чтобы это составить, я должен был это все написать в секретной части. У нас была специальная секретная часть. Там у меня была секретарша. По распоряжению кафедры я потом работал в нашем секретном отделе и делал длинную запись моих новых усовершенствований. Это было примерно около пяти существенных усовершенствований, о которых я могу рассказать.

М. Р.: Будьте добры. Это очень интересно. Если у вас есть силы.

Л. Т.: Я расскажу вам относительно своего положения в секретной части, а потом я расскажу...

М. Р.: Пожалуйста. Как вам удобно, Лев Сергеевич. У вас есть силы?

Л. Т.: Есть силы.

М. Р.: Хорошо. Пожалуйста.

Л. Т.: В секретной части было таким образом, что я написал там сам очень много. Пять отдельных изобретений, которые были написаны. Для того чтобы это можно было дать и подключить в секретную часть, необходимо было это переписать на пишущей машинке. Но это можно было переписывать, если будет распоряжение декана. Пришел этот декан, который прочитал мои изобретения, и решил, что все эти изобретения очень трудные, сейчас их нельзя писать, и он против того, чтобы такая заявка была от его кафедры. И он отказался переписать это на пишущей машинке. Мне пришлось уйти тогда. Эта моя переписка вся осталась на кафедре, все эти изобретения. Взять оттуда было нельзя, а переписывать — разрешения не было. Я потом решил поговорить с новым ректором МГУ, который должен был быть после этого. Значит, говорил я с ректором новым.

М. Р.: Логуновым, да.

Л. Т.: С Логуновым.

М. Р.: Он сейчас.

Л. Т.: Да. Он был такой молодой человек тогда.

М. Р.: Ну уж молодой. Ну, по сравнению с вами.

Л. Т.: Он ко мне хорошо отнесся, сказал, что он познакомится с моими изобретениями, возможно, он поможет, что он поговорит с заведующим кафедрой, который был против меня. Он с ним поговорил. Конечно, заведующий кафедрой сказал ему обо мне всякие скверные вещи. Что я занимаюсь не тем, чем надо заниматься кафедре, что меня нужно назначить в какое-нибудь другое место и убрать с кафедры акустики. Вот такая вещь была. Опять мне затруднения. На кафедре я оставался некоторое время. И прошло несколько лет, когда я не мог заниматься на кафедре акустики по музыке. Занимался всякого рода другими инструментами. Кое-какую проверку в лаборатории я сделал этих моих новых изобретений. Ну, я могу рассказать кое-что, касающееся моих изобретений.

М. Р.: Да, конечно, пожалуйста.

Многоголосый терменвокс

Л. Т.: Первое мое изобретение — это относилось к музыкальному инструменту многоголосому, о котором я говорил. Значит, терменвокс, но многоголосый. Это были новые совершенно возможности. Там имелась возможность получения новых тембров, нового как бы хора. И другое изобретение было то, что тембры, которые существовали в музыке, еще тогда были многим неизвестны. А я придумал новые тембры, которые очень интересны, для печальных и для радостных тембров. Мне было интересно. Мною были изобретены некоторые новые тембры и способы их получения. Это давало возможность нового, очень интересного, сильного выражения в музыке.

Обнаружение взрывчатых веществ

Другое, что было существенно. Мною было изобретено следующее... Война уже к этому времени кончилась, но было ясно, что можно сделать так называемое... Я назвал это «микровойной». Потому что имеется возможность сейчас достать, привезти в Советский Союз специальный взрывчатый порошок. Скажем, если несколько спутников получат маленькое количество порошка в маленьких закрытых сосудах, которые нельзя заметить на границе, то в течение года они могут провезти столько, что если это потом зарыть, сделать взрывчатое устройство в подвале в Москве где-нибудь, то можно совершенно в мелкие куски взорвать всю Москву по диаметру пятьдесят километров. Всю Москву можно было бы взорвать. Было сказано мною, как такие устройства могут быть сделаны и как сделать...

М. Р.: Обезопасить, да?

Л. Т.: Чтoб можно было бы находить их, когда к нам их будут везти. Вот таким образом был устроен аппарат, который дал возможность видеть это. И через некоторое время уже здесь были изобретены разные приборы, которые видели на расстоянии и регистрировали чувствительно этот порошок, но на расстоянии метра. Представьте, если бы кто-нибудь вез такой порошок, то даже если бы действовал аппарат на этот порошок, он действовал бы на всю площадь, а там десять тысяч человек на площади было. У кого это было, невозможно [определить]. Поэтому я придумал способ, который дал возможность видения в направлении того человека, у которого это находится. Вот видения в этом излучении.

М. Р.: Это все теоретические были, или действительно на практике что-то такое происходило?

Л. Т.: На практике происходило.

М. Р.: То есть кто-то пытался, да?

Л. Т.: Я сам делал.

М. Р.: А кто-то пытался ввезти что-то? Или это теоретически было, что если вдруг попытаются? Или было что-то практически?

Л. Т.: Можно было ожидать, что взрыв такой будет.

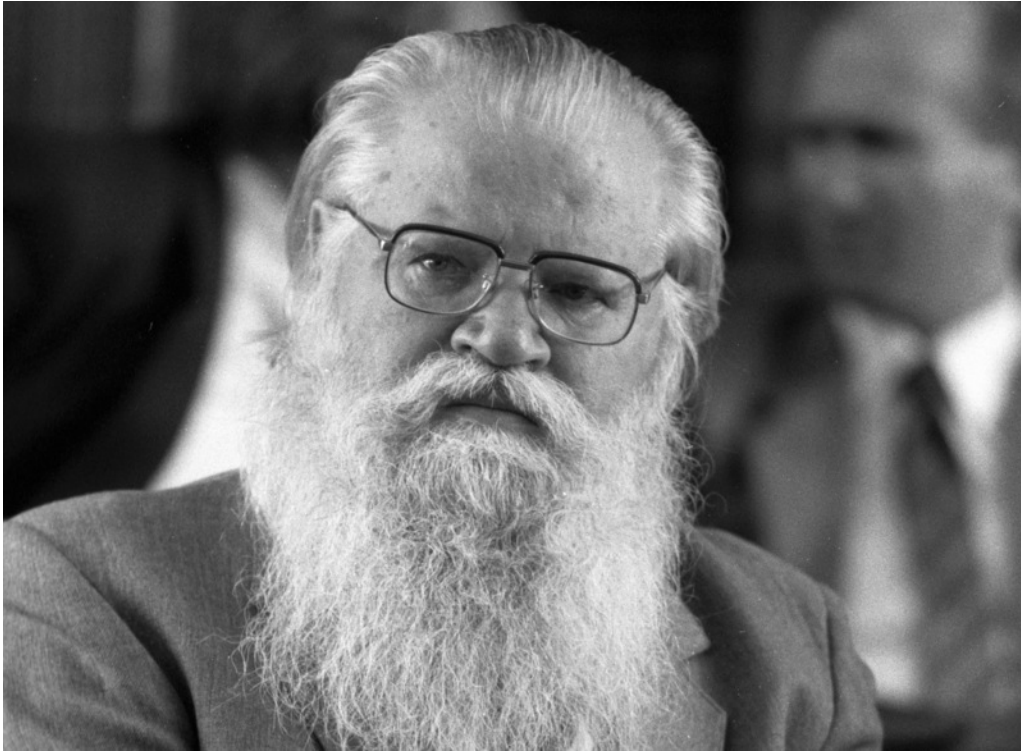
М. Р.: Понятно.

Вторая встреча с ректором Логуновым

Л. Т.: Я ожидал, что это будет. Заведовал секретной частью тогда и знал, что это очень важно. Так что против такой вещи был обыск, направление. Вот это было одно из существенных изобретений. Конечно, вот тогда не было возможности сделать мне это изобретение... Одним словом, прошло, может быть, около восьми лет или семи лет, пока я это делал, и я все-таки в конце концов решил к ректору обратиться, потому что он был такой хороший молодой человек. Пришел я к ректору. Казался — молодой человек. А сидит человек с длинной бородой.

М. Р.: Это Логунов и есть.

Л. Т.: Как священник какой-то. Кто это такой, совершенно не мог понять. Изменился. Это меня очень удивило. Я с ним говорил. Он со мной хорошо обращался, но разговаривал, как старик. И с такой бородой. Сказал, что постарается узнать, поговорит. Разговаривал со мной, как старик, и мне сложно было очень его вспомнить. Подумал, что кто-нибудь другой, новый. После моего разговора вышел я из кабинета — оказалось, фамилия та же. Оказывается, тот же самый. А я говорил с ним — никак не мог поверить, что это с тем самым человеком я разговаривал раньше.

Анатолий Алексеевич Логунов. Фото: Борис Приходько. Источник РИА Новости

Борьба со смертью и замораживание

Я должен сказать, что я сказал про четыре... Вот пятое было следующее — это устройство такое, которое давало возможность полностью бороться со смертью. Чтобы люди могли бы сделаться...

М. Р.: Бессмертными?

Л. Т.: Бессмертными, сделаться молодыми. Это одна работа была, значит, устройство, чтобы сделать омолаживание. А другая была такая: как после того, как человек умер, если он умер от того, что сердце у него... Другое дело, если бы его совсем разбило на мелкие кусочки взрывом — это уже ничего нельзя было сделать. А если он умер только от того, что его аппарат какой-нибудь испортился: или легкие, или сердце, или почки, или что-нибудь такое, — так это ерунда. Если человек умер, его хоронят <нрзб>... Можно с этим бороться.

М. Р.: Так и что, вы изобрели такое?

Л. Т.: Это я изобрел.

М. Р.: А это нельзя рассказать? В чем это заключается? А то вы какие-то чудеса рассказываете.

Л. Т.: Конечно, можно рассказать. Сказать, как против него, и как сейчас никто ни во что это не верует. Если люди будут омолаживаться и дольше жить, если они не будут умирать, то это будет увеличение людей на земле. У нас и так имеются затруднения разного рода в хозяйственном получении...

М. Р.: Демографический кризис. Понятно, почему это в штаны приняли. А в чем же заключалось это изобретение?

Л. Т.: А это я расскажу.

М. Р.: Пожалуйста.

Л. Т.: И вот поэтому предложили мне, если я захочу это запускать, подождать лет тридцать-сорок, когда у нас поднимется уровень экономики, и тогда мне разрешат этим заниматься. Вот таким образом.

М. Р.: Боюсь, что экономика падает и вам так и не разрешат этим заниматься. Так суть дела расскажите, пожалуйста.

Л. Т.: Да. Суть дела заключалась в следующем. Я должен рассказать тогда, как я изобретал и...

М. Р.: Да, пожалуйста, если вы можете, пожалуйста. Мы больше ничем сегодня не будем заниматься, чтобы не расплыться. А это расскажите.

Л. Т.: Значит, очень давно, когда я только начал еще работать у Иоффе в институте, у него была очень хорошая помощница, аспирантка, дочка одного известного знакомого профессора Иоффе. Мы занимались тогда микроструктурой, и новые вещи тогда сделаны были. Что можно видеть структуру какого-нибудь маленького существа, у которого имеется микроструктура.

Как относится к разного рода кровяным шарикам нашего организма и к разным другим вещам. И таким образом можно было увидеть это в частоте рентгеновских лучей. И многое было сделано по этому поводу. В общем, изучали мы также разного рода микроструктуры. Тогда в изучении микроструктуры было, что большинство смертных случаев... Например, некоторые большие животные бывали такие, которые околевали в вечной мерзлоте. Это были большие мамонты.

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: И вот оказалось, когда раскапывали этих мамонтов... Я уже по документам смотрел. Оказалось, что их клетки живые, что они после смерти были заморожены. Они оставались еще живыми, и весь организм работал, конечно, но уже некоторые части органов... И относительно мозга, и относительно разного рода других органических веществ, других разных деталей оно оставалось жить после смерти. Так что выходило, что действительно можно было это все... Если человек постепенно, скажем, замораживается, то, конечно, он перестает работать... Если у него механизм какой не работает, а остальные, если он был заморожен, тогда будут заморожены. И вот у меня тогда явилась мысль такая...

М. Р.: Заменять части?

Л. Т.: Да. Что если человек умирает от какого-нибудь определенного заболевания структуры его, частичной структуры... Ну, мозг, например, но это существенно.

М. Р.: Легкие, к примеру.

Л. Т.: Легкие, печень, сердце... Если у человека испортилось сердце, тогда он умирает, тогда его хоронят и прочее. Или легкие испортились, тоже не работает, тоже у нас считается, что умирает. Ну, тогда с этой его ученицей мы смотрели... То есть мы действительно думали, если человек умер, можно было бы его медленно охладить, чтобы не испортилось, и после этого... И мы тогда с ученицей так же пробовали замораживать какие-нибудь участки многоклеточного организма. Ну, еще не человека, тогда этого не было. Мы с разного рода зайчиками, кошечками. Оказалось, что действительно можно заморозить — и они остаются... Только надо определенным образом замораживать, медленно.

М. Р.: И что, вам удавалось их потом оживить?

Л. Т.: И тогда нам удавалось эти клетки оживлять обратно, да.

М. Р.: А вы заменяли больные клетки, да? Или как?

Л. Т.: Нет, эти же самые клетки.

М. Р.: Больные органы вы заменяли?

Л. Т.: Нет, мы этим не занимались, не могли.

М. Р.: Вы просто теоретически это...

Л. Т.: А мы только знали, что можно. Фактически оживляются обратно. То есть, значит, если заморожены...

М. Р.: Ясно. Как с мамонтом, да?

Л. Т.: Да. Мы брали какое-нибудь маленькое, у которого сердце замораживалось, и вообще замораживали медленно маленького цыпленка, или не цыпленка, а маленькое какое-нибудь животное.

М. Р.: Морскую свинку, нет?

Л. Т.: Да. Заодно учились, как замораживать. Надо замораживать медленно. Но потом можно держать в замороженном состоянии сколько угодно времени, потом обратно размораживать — и опять это существо начинает жить. Ну, это было сделано мной вот такое...

М. Р.: Это еще 20-е годы?

Л. Т.: Да, 20-е годы. К сожалению, захворала воспалением легких моя...

М. Р.: Помощница.

Л. Т.: Помощница. Хорошая девушка такая, хорошая. И она умерла. Ну, ясно, что я хотел. Я решил, что нужно ее заморозить. Умерла она от легких. Легкие можно было потом восстановить. А надо ее заморозить и держать год или два, сколько мы будем делать новые легкие, может, это займет много времени. Значит, сейчас самое простое — это медленно заморозить в вечной мерзлоте. Перенести туда. Когда она умерла, сразу я Иоффе представил такое заявление. Иоффе не возражал, что это действительно правильно, что это можно сделать.

” «Подождите, — он мне говорит, — как же так? Ее родители уже взяли хорошее место на кладбище, торжественно будут хоронить и так далее. А тут не на кладбище, а везти ее куда-нибудь в вечную мерзлоту. Это же невозможно. Поэтому я не против технически, что это так, но я против того, чтобы практически это сделать».

И отказался. Ну, я не то что с ним ругался, мне это было очень неприятно тогда.

М. Р.: Конечно, страшно переступить эту черту. Так сказать, так полагается.

Л. Т.: Да, и я после этого вообще навсегда... После этого никогда на похороны нигде не ходил. Считал, что это живые. Потому что потом... Когда человека похоронили, люди думают, что они что-то такое дают этому человеку, восстанавливают...

М. Р.: А на самом деле наоборот, да?

Л. Т.: И все говорят, что пусть его имя останется в наших сердцах. Вот так всегда пишут.

М. Р.: Да.

О встрече с Владимиром Лениным и стремлении заморозить его после смерти

Л. Т.: И это меня так возмущало. Я на похороны после этого не хожу. И не ходил, когда это было. И вот такая это вещь была первая, что мне не удалось сделать. Ну, Иоффе... Я решил, что если все-таки опыты сделаю, кое-что по этому поводу, может быть, как-нибудь устрою, но через некоторое время... Значит, я боялся уже обратиться [к Иоффе]. Потом решил, что надо обратиться к высоким... Когда я видел Ленина, я Ленину много говорил разного рода смешного о физических вещах.

М. Р.: О каких? Я знаю, он в связи с вашими музыкальными изобретениями приходил. А вы о чем-нибудь еще с ним говорили?

Л. Т.: Я ему говорил о принципиальной необходимости изучения микромира. Вот аппаратура, свойства аппаратуры по изучению микромира.

М. Р.: Как он к этому отнесся?

Л. Т.: Очень интересовался. Сказал, если нужно, чтобы я ему позвонил. «Я вам сразу помогу».

М. Р.: А о вопросах омолаживания вы с ним не разговаривали?

Л. Т.: Нет, я с ним не говорил, но говорил относительно работы в микромире и в макромире. После нашего разговора у меня от него хорошее впечатление. Он сказал, если нужно мне помочь, чтоб я ему позвонил по телефону — и он мне поможет. Ну, я не сразу ему позвонил по телефону. Решил, что я устрою некоторую лабораторию, а он мне тогда поможет. Но прошло около полутора лет или что-то такое — он заболел и умер. И у меня сразу явилась необходимость, что Ленина надо оживить.

М. Р.: Но ведь у него же мозговые клетки? Ведь поражение мозга — это поражение личности.

Л. Т.: Нет, ничего этого не было. Говорят: «Он умер».

Я сразу же послал человека, одного из своих сотрудников, чтоб он узнал, где он умер, чтобы мне могли отдать его тело в распоряжение. Мой сотрудник поехал туда, вернулся через несколько часов и сказал, что уже поздно. Оказывается, доктора, которые там были, голову развели, вытащили мозг и мозг этот в спирт опустили.

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: Таким образом убили.

М. Р.: Институт мозга, да.

Л. Т.: Таким образом было так, что они его убили. Это было очень неприятно, но уже ничего нельзя было сделать. Но они действительно его убили. И мозг, и легкие, и всё — все детали его убили.

М. Р.: Это традиция такая. Так всегда было. Вы-то предлагаете что-то невозможное, никогда не бывшее. И вы хотите, чтобы люди сразу это все приняли.

Л. Т.: Ну, они это уже сделали до того, как он приехал.

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: Сразу первое после смерти, уже послали этих своих докторов, которые сразу его распотрошили. Все убили, все клетки. И мозг убили в первую очередь. Вот таким образом было. Вот это вещь, которая была второй. Мне пришлось очень неприятно.

Изучение микромира

Я решил, что все-таки этим вопросом я буду заниматься. И здесь уже первая часть, которой я начал заниматься. Это по поводу того, как знакомиться с микромиром, каким способом можно узнать. Как и что можно сделать для того, чтоб можно было омолаживать.

М. Р.: Да, пожалуйста. У вас есть силы еще?

Л. Т.: Силы есть.

М. Р.: Будьте добры.

Л. Т.: В общем, существенно было изобретение, чтоб можно было бы смотреть, как устроен микромир. Устроить микроскоп нужно было, чтобы рассмотреть. Когда в микроскоп я смотрел микромир, маленькие существа, из которых сделан мозг, сделаны наши кровяные клетки и так далее, то их уже в микроскоп не увидеть, потому что все они движутся настолько быстро. Через микроскоп такие быстрые движения мы увидеть не можем. Все кажется каким-то мутным телом, которое как-то

там изменяется. Больше или меньше муть меняется, и никаких особенностей. Поэтому я решил: первое, что необходимо сделать, — видеть эти движения в микроскопе. Для этой цели нужно сделать замедление движения. И вот устройство для замедления движений я и придумал, как его сделать. Для этой цели было сделано специальное фотографирование электрическим способом, которое производилось очень быстро, быстрых этих движений, а затем это рассматривалось уже с замедлением равным увеличению. Так что оказалось, что действительно микроскоп, если может с увеличением в тысячу раз, надо сделать замедление в тысячу раз.

М. Р.: Понятно.

Л. Т.: Равным увеличению. И я сделал такие замедлители. Для этой цели сначала нужно было сделать съемки быстрые, а затем их замедлять и уже смотреть. Вот такие у меня были сделаны устройства. Ну, я сейчас не буду рассказывать больше. У меня действительно это было. Я начал делать это в лаборатории Иоффе. Значит, эта часть была сделана замедлением.

По этому поводу имелось в виду следующее. Меня интересовало тогда сделать замедление микромира. Меня интересовало узнать микромир, из которого мы сами, люди, сделаны. Из какого микромира, как мы построились, откуда. Оказалось, что имеется действительно микромир, который находится в человеке. Это микроустройство очень маленькое, которое можно смотреть с увеличением примерно в тысячу раз. Тогда можно видеть какое-то живое существо, из которого, по-видимому, сделано. Называются они сперматозоиды. Эти сперматозоиды рождаются в человеке, в мужчине. И затем они...

М. Р.: До этого было неизвестно это?

Л. Т.: Известно.

М. Р.: А в чем открытие?

Л. Т.: Я заинтересовался, а как дальше получается сперматозоид, что он из себя представляет, как из него человек получается. Поэтому первое, что мне решилось, — посмотреть, что из себя представляют эти сперматозоиды. Действительно, были съемки сперматозоидов, они на съемках были, даже в словарях были уже, в энциклопедиях были. Они были в виде маленькой рыбки, очень маленькой, с маленькими крылышками и ручками такими как бы.

М. Р.: Скорее как головастик. Нет?

Л. Т.: Они же маленькие.

М. Р.: Так рисуют обычно.

Л. Т.: Да. Вот таким образом. Мне нужно было посмотреть, как они живут. Когда в жидкости, ничего нельзя сделать. У человека я пробовал брать жидкость. У человека и у себя тоже. И не мог смотреть. Не видно, что там делается. И я сделал устройство с замедлением в тысячу раз — снимать и смотреть. И сделал съемку. Оказалось, что они живут очень интересно. Оказалось, что они очень умные. Оказалось, если они встречаются, ведут целые хороводы.

М. Р. (смеется): Вы даже в микромире.

Л. Т.: Некоторые делают кружок и вертятся вправо, а некоторые собираются такими кружками и танцуют влево. И это такое занятие получается. Потом, когда это кончается, они уже подлетают, трогают крылышками, разговаривают что-нибудь. Я звука не слышал. Я тогда считал, что надо сделать усиление и изменение высоты звука, потому что...

М. Р.: Еще потом и язык надо изучить.

Л. Т.: А потом смотрел, что некоторые из них такие, что они бегут по прямой линии, обгоняют один другого. По-видимому, когда встречаются <нрзб>... Несколько разбегаются...

М. Р.: Кто вперед.

Л. Т.: Вот это я посмотрел. Вот это было мною сделано. Кое-какие доклады по этому поводу я делал. В одном учреждении медицинском, военном, авиационном учреждении, где доктор, кажется, уже очень изучал смерть, жизнь и омолаживание... Когда он узнал, что я могу смотреть микромир, то он меня пригласил к себе в институт. Фамилия его была Лебединский. Это был сын известного тогда академика, медицинского физика Лебединского.

М. Р.: Лебединский, да?

Л. Т.: Да, а это был сын Лебединского. В словарях есть до сих пор.

М. Р.: А как его зовут? Не помните?

Л. Т.: Название не помню. В словарях написано. Сын Лебединского. И мне сказали устройство сделать для замедления, чтобы можно было рассматривать и прочее. Значит, я начал тогда заниматься у них. В общем, я это не успел сделать. Но было заказано мне большое устройство для того, чтоб можно было это хорошо видеть. Была связь у меня с одной фабрикой, которая работала по музыкальным усилительным устройствам, по микроскопии и по разным устройствам с освещенностью, при низких температурах и так далее. Очень много денег это стоило — заказы делать на такие устройства... Ну, часть уже прошла, начали делать. Но потом вышло так, что Лебединский умер. Очень жалко было. Я остался заведующим вот этой группой. И потом надо было поджидать деньги для изготовления дальше аппаратуры. Кое-какая аппаратура уже была изготовлена. Сказали, что для целей омолаживания сейчас они не могут выделять. Тогда стоял вопрос относительно того, что этот вопрос сейчас не могут продолжить. Тогда они деньги...

М. Р.: Условий нет, да?

Л. Т.: Да. В общем, мне не удалось дальше продвигать это в то время в институте Лебединского.

М. Р.: Все ясно.

Л. Т.: И я тогда продолжал работать в университете.

М. Р.: У нас уже, да?

Л. Т.: Да.

М. Р.: Ну что, передохнем или кончим? Как вы?

Л. Т.: Можно на этом кончить.

М. Р.: Давайте. Спасибо большое, Лев Сергеевич. Я думаю, что мы с вами еще встретимся.

Л. Т.: Еще встретимся.